

Денис
Старый

СЛУГА ГОСУДАРЕВ

ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР

Денис Старый

**Слуга государев 8.
Великий реформатор**

«Автор»

2026

Старый Д.

Слуга государев 8. Великий реформатор / Д. Старый — «Автор»,
2026

Дальний Восток укрепили, ждем атаки манчжуров. Великое посольство, пусть без Петра во главе его, но со мной, организовали. И себя покажем и на других посмотрим. Но усиление державы никогда не проходит бесследно. Шведы на чеку. Османская империя проигрывает европейцам, но то и дело зло зыркает в сторону России. Я, оставаясь наставником государя, пробую вложить в буйную голову Петра Алексеевича нужно, но... Характер царя еще тот... А русские земли, занятые некогда шведами в момент слабости России, не желают ли вернуться в родную гавань? Ледяная война неизбежна.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Денис Старый

Слуга государев 8. Великий реформатор

Название: Слуга государев 8. Великий реформатор

Автор(-ы): Денис Старый

Глава 1

Псков.

17 декабря 1684 года

Генерал-губернатор Ливонии, фельдмаршал Бенгт Горн, был исполнен невероятной, почти осязаемой спеси. И, надо признать, в этот серый зимний день он был поистине счастлив.

Сложно было сыскать во всей шведской армии офицера, который столь люто, до скрежета зубовного, ненавидел бы московитов. Сам фельдмаршал не смог бы разумно ответить, откуда в нем укоренилась эта слепая, испепеляющая ярость ко всему русскому. Возможно, именно таким и должен был быть идеальный шведский наместник землями, находящимися в непосредственной близости от дикого восточного соседа.

Но была и еще одна причина, разьедавшая душу Горна. Ему откровенно осточертело наблюдать, как через его земли, через балтийские порты, в дикую Московию сплошным потоком текут лучшие умы Европы. Ну пусть и не лучшие, но много людей. Прямо паломничество какое-то. Вот, и по осень сразу три корабля прибыли. И люди там и инструменты, товары разные.

Он тогда пропустил в Россию все, что пришло. Не хотел привлекать внимания, показывать хоть намеком, что готовится военная операция, как хотел бы Горн. Смотрел с крепостной стены Риги, как идут нескончаемой вереницей обозы с людьми, явно же усиливающими Москву.

Инженеры, пушкарки, корабелы, архитекторы — все они стремились к русскому царю. Горн не раз пытался перекупать их, оставлять у себя на службе в Риге или Ревеле. Он сулил им чины и уважение, но хитроумные голландцы и немцы лишь вежливо кланялись и ехали дальше. Они прекрасно понимали: в нищей, зажатой в имперские тиски Ливонии никогда не заплатят столько полновесного серебра, сколько щедро отсыпали в дикой Москве за их знания. Это унижало Горна. Унижало его королевство. И Псков стал его личной, кровавой мезьей.

Сейчас Горн по-хозяйски восседал на массивном, крытом потертым бархатом стуле в разоренном доме псковского воеводы. Фельдмаршал, после зачистки Пскова, отказывался что-либо делать, картинно вздыхая и ссылаясь на то, что невероятно устал от трудов праведных. Да и откровенно же обиделся, что не ему доверили брать Новгород.

Но было то единственное, от чего он не уставал никогда, и чем никогда не пренебрегал — упиваться собственной властью. Судить, решать судьбы людей.

Генерал-губернатор Ливонии был человеком искренне верующим. И речь здесь шла вовсе не о религии. Он свято верил в то, что отныне находится на своей, по праву сильного взятой территории. В своих мыслях он уже окрестил эти земли «Восточной Ливонией». Горн морщился, пробуя на вкус варварское слово «Псков», и всерьез подумывал о том, что название города совершенно не соответствует тем новым европейским реалиям, которые он сюда принес. Какое-нибудь «Плескау» или «Ост-Ливландия» звучало бы куда благозвучнее для шведского уха.

Горн вальяжно перевел холодный взгляд на стоявших перед ним троих мужчин. Один из них еще недавно был тут хозяином. А теперь избит и поставлен на колени, как раб.

Швед не смотрел на псковского воеводу как на равного себе или хотя бы как на человека высокого достоинства. Нет, все московиты для него сливались в одну серую массу. Все они были грязными варварами, которые обязаны кланяться ему — просвещенному европейцу.

Горн действительно считал себя интеллектуалом высочайшего полета, ведь в его личном обозе путешествовала целая библиотека: там было почти десять толстых книг на латыни и немецком, большинство из которых он, правда, до конца так и не осилил. Но ведь книги есть. Как-нибудь, когда-нибудь....

— Что прикажете с ними делать, ваша светлость? — хмуро спросил ротмистр Отто Сейшерн.

Молодому шведскому дворянину категорически не нравилось происходящее. Сейшерн был солдатом чести, и ему претило выполнять то, чего требовал генерал-губернатор. Отто и вовсе казалось, что первыми начинать войну, да еще и таким подлым образом — сродни тягчайшему государственному преступлению.

Хотя, конечно же, он беспрекословно, как и подобает, выполнял все приказы. Сейшерн понимал, что генерал-губернатор, и до этого отличавшийся жестоким, садистским нравом даже по отношению к собственным подданным шведской короны, по своей воле развязал эту бойню.

Ротмистр успокаивал себя лишь тем, что он, простой офицер, скорее всего, не знает каких-то высоких политических мотивов, сподвигших правительство в Стокгольме к этим боевым действиям. С другой стороны — он военный. Его долг — подчиняться. Как и сегодня утром, когда ему приказали сперва жестоко избить псковского воеводу и его дьяка-помощника, а затем, окровавленных и униженных, бросить на колени перед восседающим, будто римский император, фельдмаршалом Горном.

План Горна был поистине дьявольским в своей простоте. Он использовал ту самую слабость русских, которая его так раздражала — их жадность до европейских специалистов. Может не жадность воеводы, но из Москвы приходило такое число грамот с требованием “оказать содействие”, “расположить”, “обеспечить”, что воевода старался не чинить никаких препятствий, всегда держать все двери и ворота открытыми, чтобы и быстрее выпроваживать дальше иноземцев.

Рано утром, за пару часов до рассвета, к Великим воротам Пскова подошел огромный обоз. С виду — типичный поезд иноземцев-наемников и купцов, которых русские ждали с распростертыми объятиями. На деле же под суконными плащами и в крытых повозках скрывались три сотни лучших шведских гренадеров. Элита, которую Горн отбирал и натаскивал лично.

Они заговорили с караулом на ломаном немецком, посулили золото, показали бумаги с печатями, состряпанными в Риге. Расслабленный, ничего не подозревающий гарнизон, уверенный, что войны нет, открыл ворота.

И тогда «европейские розмыслы да мастеровые» достали из-под плащей короткие клинки и заряженные пистолы. Сонная, растерявшаяся стража была вырезана за минуты. Следом в открытые ворота, сминая остатки сопротивления, лавиной влетела тяжелая шведская кавалерия. К моменту, когда солнце поднялось над куполами псковских церквей, город был залит кровью и полностью перешел под контроль короны.

Воевода, старый грузный человек с разбитым в месиво лицом, тяжело дышал, стоя на коленях. Его седая борода слиплась от крови. Он поднял тяжелый взгляд на шведа. Взгляд несломленного человека, но того, кто явно сожалеет о своей ошибке. Готов был бы и зубами впитаться в горло шведскому генералу, но не пускают и сил уже нет.

— Будь ты проклят, пес ливонский... Без объявления... аки тати в ночи пришли... — прохрипел воевода, сплевывая на паркет красный сгусток. — Царь придет... на куски вас, собак, порвет...

Ротмистр Сейшерн дернулся, чтобы ударить пленника эфесом за дерзость, но Горн ленивым жестом остановил его. На тонких губах генерал-губернатора заиграла презрительная улыбка.

— Царь? Ваш малолетний щенок, играющий в солдатиков? — Горн усмехнулся, поправив кружевной манжет. — К тому моменту, когда ваш царь узнает о падении Пскова, здесь будет стоять половина шведской армии. А вы, варвары, усвоите урок просвещенной Европы.

Горн брезгливо поморщился, достал надушенный платок и прижал его к носу, словно запах русской крови оскорблял его обоняние. Напускное. Этот нос привык и к дерьму и к

запаху гнили, миазмов. А в Пскове на удивление всего этого привычного и не было. Только что запах крови.

— Выпороть их прилюдно на торговой площади, — спокойным, будничным тоном вынес свой вердикт нынешний верховный судья Пскова. — Кнутом. До костей. Чтобы весь город видел, чего стоит власть их царя. А тех, кто выживет после экзекуции, заковать в кандалы и отвезти в Нарву. Кинуть в сырой каземат. Мало ли, вдруг этот мусор еще пригодится нам при подписании мирного договора с москвитями для обмена пленными. Уведите скот.

Сейшерн побледнел, скрипнул зубами, но козырнул. Так относится к дворянам? К служивым людям? А если он, ротмистр Сейшерн, окажется в плену? Такое же унижение испытает?

— Слушаюсь, господин фельдмаршал, — между тем отчеканил офицер.

Когда окровавленных пленников выволокли из зала, Горн откинулся на спинку воеводского кресла, прикрыл глаза и удовлетворенно вздохнул. Восточная Ливония была у его ног. И теперь никто не смел сказать, что Бенгт Горн не умеет переписывать карты империй.

И пусть Новгород еще не взят, но то, что требовалось от Горна он выполнил, считал, что даже с честью. Но имел крайне ошибочное понимание, что есть такое... честь.

* * *

Москва.

21 декабря 1684 года.

Москва задыхалась. И не только от тяжелого, предзимнего свинцового неба, нависшего над маковками кремлевских соборов, но и от душающего ужаса, ползущего по узким коридорам дворца. Гнев государя словно бы перекидывался на других и уже можно говорить, что гневался весь столичный град, а может и Россия.

И хотели бы бояре придержать новости о начале войны и о том, что шведы, вероломно, лишь после указа, что какой-то там отряд... Чушь никакого отряда быть и не должно. А был бы, так мало ли... Вон с поляками каждый год, а то и чаще, появляются разные отряды, которые ходят “погулять”, как русские, так и польские. Ну что? Разве же из-за этого войны начинаются?

Или же зерновая сделка. Мол, Россия не соблюдает ее условия, потому вот и... Ну и вооружение, что Москва собирается напасть. Много разных претензий, но ничего серьезного, что могло бы быть действительной причиной войны.

В Грановитой палате стояла такая тишина, что было слышно, как трещат свечи в тяжелых серебряных шандалах и как капает горячий воск на дубовые полы. Бояре, частью облаченные в тяжелые парчовые ферязи и собольи шапки, стояли вдоль стен, вжав головы в плечи. Никто не смел поднять глаз.

Боярин Матвеев в этот раз оделся в европейское, иные в по-польской моде, были еще двое бояр, что европейские платья нацепили на себя. Прознали, что Петр благоволил к европейскому. Так на Артамоне Сергеевиче платье выглядело на удивление неплохо, как и парик. А на других... не очень.

Посреди палаты метался царь. И на нем так же было европейское платье. Но не в этом дело. Петр Алексеевич излучал такую злость, что казалось молнии сейчас будут от него разлетаться.

Молодой, не по годам высокий, нескладный, с порывистыми, дергаными движениями, Петр напоминал запертого в клетке льва. Нет... Льва как раз нужно было убивать, шведского льва. А метался русский медведь, может слегка и медлительный, но если уж его потревожить...

Лицо Петра Алексеевича исказила судорога, правая щека мелко подергивалась — верный признак того, что государь пребывает в состоянии неконтролируемого бешенства. В руке он сжимал смятую, истерзанную бумагу — письмо из Новгорода.

— Сдали... — голос Петра сорвался на хриплый, страшный шепот, от которого у старых бояр по спинам побежал ледяной пот. Царь резко остановился, обвел присутствующих безумным взглядом и вдруг заорал во всю мощь своих легких: — Псков сдали!!! Без боя! Без единого

пушечного выстрела! Как кур в ошип шведу отдали! Вот где ваши стрельцы, да поместные. А были бы там преображенцы мои, то не было бы такого.

Он швырнул смятую реляцию прямо в лицо стоящему ближе всех думному дьяку. Тот покорно зажмурился, не смея увернуться.

— Крепость, которую Баторий взять не смог! Твердыню о ста пушках! Шведская собака Горн вошел туда, как к себе в спальню! — Петр схватил со стола тяжелый кубок и с силой швырнул его в стену. Кубок со звоном отлетел, оставив на штукатурке вмятину. — А где были дозоры?! Где были пикеты?! Проспали?! Водку жрали?! Баб мяли?

И был царь грозен. Впервые таким, что и мудрые мужи не смели возражать государю. Неужели вырос? Мужним стал?

Из толпы бояр медленно, тяжело опираясь на посох, выступил фельдмаршал Григорий Григорьевич Ромодановский. Он был живым воплощением той, старой Руси, которую Петр так отчаянно пытался перековать. Широкая окладистая борода, тяжелый взгляд из-под кустистых бровей, расшитый золотом кафтан. Старик много повоевал на своем веку, ходил на турок и поляков. А последние победы, да и взятие Крыма, делало все же его несколько выше иных бояр, если вопрос касался, конечно, войны.

— Не вели казнить, надежа-государь, вели слово молвить, — басовито, неспешно начал Ромодановский, кланяясь. — Беда великая, спору нет. Но швед татем пришел, хитростью. Надобно полки собирать, да степенно к Пскову идти. С обозами, с нарядом пушечным. Осаду править по всем правилам воинским, шанцы рыть... К лету, глядишь, и выбьем супостата.

Петр замер. Его глаза расширились, а лицо пошло красными пятнами. Он медленно подошел к старому фельдмаршалу, возвышаясь над ним на целую голову.

— Степенно?! — прошипел царь, брызгая слюной. — Шанцы рыть?! К лету?! Да швед к лету в Новгороде будет! А осенью он тебе, старый ты пень, бороду в Москве подожжет! А как воевал ты в Крыму? А? Или Стрельчин воевал, а ты степенно... шанцы?

— Государь... — попытался возразить Ромодановский, но Петр не дал ему договорить.

— Молчать! — рявкнул Петр так, что зазвенели окна. — Воевать со шведом по-старому удумал?! Да шведская пехота твои стрелецкие полки в чистом поле по ветру пустит! У них дисциплина, у них мушкеты бьют как часы, а твои ратники пищали заряжают, пока швед три раза выстрелить успеет! Ты, Григорий Григорьевич, воевать с настоящим европейским войском не умеешь. Ты во вчерашнем дне застрял! Сколь ты употреблял на учениях последних штуцерников? А они — наша главная сила. Ты токмо сразумел о линейном бое, а... да неча тут говорить. Такова воля моя!

Петр резко отвернулся от побагровевшего от оскорбления старика и махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху.

— Сдай командование. Поезжай в деревню. Гуси у тебя там не кормлены. А здесь война пойдет по новым правилам. По правилам, которые диктует Европа! — продолжал жестить царь.

— Ваше величество, но так же нельзя... — попробовал вразумить государя Матвеев.

— Что? — с вызовом спросил Петр.

— Прошу простить, ваше величество, воля ваша, — сказал Матвеев, при этом посчитал, что свой союзнический долг перед Ромодановским выполнил сполна, ведь никто более не осмелился и звука произнести.

Ромодановский тяжело сглотнул, стиснул узловатыми пальцами посох, низко поклонился и, тяжело шаркая ногами, молча пошел к выходу. В его сторону даже опасались посмотреть, чтобы не вызвать гнев государя на себя. Вместе с ним из палаты уходила целая эпоха.

Петр, тяжело дыша, подошел к столу, оперся на него кулаками и обвел зал горящим взглядом.

— Где он? — коротко бросил царь.

Из тени, отделившись от группы иноземных советников, стоящих особняком, приглашенных лично государем, плавно выступил человек. Невиданное дело! Поругание Боярской Думы. Многие так подумали, никто не сказал вслух. Но присутствие иноземцев для каждого русского боярина вызывало негодование. Если бы не гнев царский, то именно это стало бы главной темой собрания.

Вышедший из толпы иноземцев человек разительно отличался от бояр. На нем был безупречно скроенный синий европейский мундир, расшитый золотым позументом, белоснежный шейный платок и напудренный парик. Гладко выбритое лицо с тонкими чертами выражало учтливую, но высокомерную уверенность профессионала, который снизошел до общения с дикарями.

Это был Карл Евгений, герцог де Круа. Наемный генерал, чья сабля служила многим дворам Европы. Человек, который в иной реальности спустя пару лет бездарно мог бы проиграть битву под Нарвой и первым сдаться шведам, бросив русские полки на растерзание. Но сейчас, в глазах ослепленного западным лоском Петра, он казался спасителем. Гением военной мысли.

Он прибыл в Россию два месяца назад, после того, как европейцы смогли нанести поражение туркам при Белграде. В том сражении и отличился де Круа... С его слов. Но царь поверил. А еще много правильного говорил этот, сейчас уже русский генерал-лейтенант.

Де Круа изящно щелкнул каблуками штиблет и отвесил изысканный придворный поклон.

— К вашим услугам, ваше величество, — произнес он на чистейшем немецком, который тут же начал переводить стоящий рядом толмач.

— Герцог, — Петр шагнул к нему, глаза царя лихорадочно блеснули. — Ты видел европейские баталии. Ты знаешь, как бьют шведы. Старый дурак предлагает мне рыть землю полгода. А мне нужен Псков сейчас. Иначе шведы поднимут мятеж по всему Северу. И там много, нынче уже слишком много немцев. Мало ли и они присягнули Карлу. Так что действуй незамедлительно!

Де Круа снисходительно улыбнулся, выпрямившись.

— Ваше величество, — бархатным, успокаивающим тоном ответил наемник. — Армия генерала Горна, как и другая армия, что идет на Новгород сильны, но они растянули коммуникации. Ваши так называемые стрельцы хороши для подавления крестьянских бунтов. Но вы ведь создали новые полки? Преображенский, Семеновский? Одетые по-немецки, обученные по-немецки?

— Да! — горячо кивнул Петр. — Моя гвардия! Мои потешные! Они готовы! И вы... сударь вы давали клятву тайны наши не передавать противнику. Вы еще удивитесь, что мы умеем и какое оружие пользуем.

— Дайте мне эти полки, мой повелитель. Дайте мне наряд артиллерии и золото для фуража, — герцог де Круа картинно положил руку на эфес своей изящной шпаги. — Я покажу этому ливонскому выскочке Горну, что значит настоящая европейская маневренная война. Мы не будем сидеть в траншеях. Я сокрушу его в генеральном сражении, разгромив его гарнизон до того, как к нему подойдут подкрепления из Риги.

Бояре угрюмо переглядывались. Иноземец стелил мягко, обещал красиво. Слишком красиво для той кровавой мясорубки, которая ждала их в псковских лесах. Они-то знали, что и батюшке нынешнего государя могли стоять русские супротив шведа. И знали, что это сложно. Швед силен, очень силен. А этот... хлыщ. Бояре чуяли такого... похожего на них, часто пускавших пыль в глаза.

Но Петр услышал именно то, что хотел услышать. Слово «Европа» действовало на него как заклинание. Царь подошел к наемнику и крепко, по-русски, ухватил его за плечи, едва не оторвав эполеты.

— Быть по сему! — громко провозгласил Петр, чтобы слышали все. — Отныне ты, герцог де Круа, назначаешься главнокомандующим русскими войсками на северо-западе! Бери

гвардию, бери пушки. Выступай завтра же. Верни мне Псков, генерал. Не дай взять Новгород шведу. И я осыплю тебя золотом так, что ни один король в Европе не сможет с тобой тягаться.

Де Круа склонил голову в парике, скрывая торжествующую, алчную улыбку.

— Слушаюсь, ваше величество. Псков будет у ваших ног.

В этот момент никто в Грановитой палате еще не знал, что слепая вера царя в красивый европейский мундир обойдется русской армии реками крови. Машина Северной войны, нет... Ледяной войны, с лязгом и скрежетом, начала свой неумолимый ход. И первые ее жернова уже вращались там, на севере, под сапогами ливонского наместника Горна.

И никто не заметил лукавую ухмылку де Круа.

Глава 2

Амстердам. Пеллау. Кёнигсберг.

20-26 декабря 1684 года

Тяжелый кожаный кошель с глухим стуком опустился на дубовый стол каюты. Я развязал тесемки и высыпал тускло блестящие золотые монеты. Зафрахтовать три корабля до Кёнигсберга стоило невероятных средств, и сейчас, скрепя сердце, я отдавал аванс.

Капитан Корнелиус Крюйс задумчиво ковырнул ногтем одну из монет. Я видел: он уже согласен. Обозначенная мной просьба, поданная как личное одолжение с явными перспективами на щедрую русскую службу в будущем, сделала свое дело.

Мне стало очевидно, что этот человек, хоть и являлся боевым лидером и талантливым организатором, всё же сильно зависел от своей команды. Сам он уже почти согласился — особенно после того, как я изложил свою просьбу как личную и подчеркнул, что от её выполнения зависят важные последствия для Кёнигсберга. Однако другие офицеры небольшой пиратской эскадры, состоявшей всего из трёх кораблей, настаивали на своём: если уж им предстоит отправиться в рискованное плавание, то оно должно сулить серьёзную выгоду.

В каюте, такой маленькой, что и называться “капитанской” ей было не к лицу, были и другие люди. Старший помощник Крюйса Орлан Райсвен, излучал крайний скепсис.

— Лед встает, ваша милость, — пробасил старший помощник, кивнув на заиндевшее окно каюты. — Мы рискуем раздавить борта. За такой риск барыш должен быть серьезным. Иначе мы не поднимем паруса.

Говорил он на английском языке. Наверное, посчитал, что это такой вот способ тайной передачи информации. Но, нет...

— А ты бы не нагнул бы, — отвечал я, усмехнувшись, на английском языке. — И без того плачу очень много. А еще больше посулил вам за службу в России. Таких денег не заработаете даже капитанами в Индийском океане.

А ведь мне пришлось еще заплатить и в Ост-Индскую компанию, чтобы они не препятствовали. Все же эти три три корабля, что были под командованием Крюйса, не его личные, а компании принадлежат. Наши корабли, русские, тоже к весне будут не только готовы, но и “обкатаны”. Но ждать весны я не мог.

Пришлось все же отсчитать еще пять золотых сверху. Только тогда офицеры довольно переглянулись и вышли на палубу орать приказы матросам.

К великому удивлению всех и каждого, нынешняя зима уже в декабре показала суровый, ледяной норов. Рижский залив, который обычно держался до января или даже до февраля, нынче сковало намертво. Буквально вчера в копенгагенском порту шептались, что купцам, рискнувшим идти в Ригу, пришлось прорубать путь во льду топорами, оббивать носы кораблей деревом и даже жечь костры прямо на замерзшем заливе, чтобы хоть как-то пробить полыньи.

Нам такой риск был ни к чему. Тем более, что судя по всему, мороз на пару градусов еще больше усилился.

Оставался морской путь до Кёнигсберга — самого надежного незамерзающего порта в этих широтах. Точнее, кораблям предстояло бросить якоря в Пиллау, морских воротах прусской второй столицы, так как сам город и порт пока существовали раздельно, хотя для меня вся эта агломерация сливалась в одно понятие.

Погрузка шла до глубокой ночи. Три корабля были жизненно необходимы: помимо половины моих вооруженных бойцов, на борт поднимались более ста важнейших пассажиров. Я лично стоял на продуваемом ледяным ветром пирсе, контролируя, как по скрипящим сходням поднимаются лучшие мастера из Голландии и Франции. Оружейники, литейщики, инженеры. Некоторые шли с женами, кутая озябших детей в шерстяные платки. Испуганные, оторванные

от родины, но поверившие моим посулам. Это был тот самый костяк, который в будущем превратится в становой хребет новой промышленности России.

Многие мастера, несмотря на неудобства, еще и благодарили судьбу. Мы же облазили все тюрьмы, все долговые ямы, чтобы многих мастеровых выволить. Некоторые ждали казни, или насильственное заключение контракта с флотом. Денег потрачено неимоверно. Уже, и треть от всех средств пошли в дело.

И, да – это отнюдь не все люди, которые отправлялись в Россию. Только те, размещение которых обходилось бы еще дороже, чем отправка с оказией, со мной, в Россию. Пусть пока и в Восточную Пруссию курфюршества Бранденбург. А были и явно ценные люди, которых могли переманить и местные дельцы. Так что таких в первую очередь в Россию свести нужно.

Рядом со мной, кутаясь в подбитый мехом плащ, переминался с ноги на ногу Прозоровский. Он оставался здесь. Но вышел проведи. Да и чего делать? Не в мастерских же работать, как это делал иногда и я, а Степка так и не вылезал с мануфактур. Тоже едет со мной. Хватит прохлаждаться. Опыта уже набрался, пора внедрять. Но с умом, с учетом нашей специфики и промышленных традиций, которые, как признавался и сам мой брат, в России имеются и неплохие.

— Значит, во Францию? — в очередной раз уточнил он, пряча нос в воротник. — Да, ты прав, Егор, прав... Там нынче сила. Но сложно же придется. После того, как мы забрали их большой корабль.

Князь посмотрел на меня с укором. Но не высказал на прямую, что, мол, я ему осложнил жизнь тем рейдом в стамбульском порту.

И, да. Мы теперь общались вообще без ретуши и пиетета. Было пару раз, что и повздорили. Но недостаток общения сказывался. И все чаще ужинали и обедали вместе. Я старался сперва быть интересным собеседником, но когда понял, что многие мои идеи приходятся по нраву Прозоровскому действовал уже с целью. Я, как мне кажется, заручился теперь поддержкой и клана Прозоровских. Многие мои идеи он стал воспринимать порой даже с превеликим энтузиазмом.

— Во Францию, — жестко подтвердил я, поворачиваясь к нему. — Нужно навести мосты с их третьим сословием. Ремесленниками, торговцами, фабрикантами. Особенно с протестантами.

— Зачем нам их еретики? — нахмурился Прозоровский.

— Затем, что Людовик XIV на старости лет решил поиграть в святого. Французская аристократия гниет заживо в роскоши, и чтобы отвлечь внимание, король скоро начнет бороться за «чистоту веры». Попомни мое слово: в ближайшее время он отменит Нантский эдикт.

Прозоровский удивленно вскинул брови. Об этом документе, гарантировавшем хрупкий мир между католиками и протестантами-гугенотами, знал каждый дипломат. Для кого-то веротерпимость во Франции казалась слабостью католического большинства и элит. Некоторые оценивали подобный документ, как опережающий свое время.

Но я знал, что уже в следующем году Нантский эдикт будет отменен.

— Нам нет дела до того, как французский король сходит с ума, — продолжил я, перебивая шум ветра и скрип снастей. — Но как только эдикт отменят, тысячи гугенотов побегут из страны. Куда? В колонии Нового Света. В Швейцарию. В Бранденбург.

Я сделал паузу, вспоминая историю иного мира. Именно этот приток первоклассных французских мозгов и рабочих рук позволит курфюрсту Бранденбурга совершить экономическое чудо и выстроить мощнейшую прусскую военную машину, несмотря на скудные демографические ресурсы. В иной реальности Россия упустила этот шанс. Здесь — не упустит.

— Нам нужно перехватить этот поток. Вербовать, обещать земли, защиту государя, деньги на открытие мануфактур. Коли уж сии розмыслы, военные и мастера хлынут в русское

царство, мы решим сложности с рабочим людом в один год. Из-под носа у Бранденбурга уведем!

— Сделаю. Разве ж не понимаю я сие? — твердо кивнул он.

Я коротко обнял его на прощание и шагнул на палубу флагмана.

Эскадра Крюиса показала себя во всей красе. Поймав попутный, режущий лицо ледяной ветер, мы вышли из Копенгагена. Корабли шли дерзко, на полном галсе, прорубая темные балтийские волны. Путь занял всего двое суток бешеных скачек по штормовому морю.

Когда на горизонте из зимней мглы выросли серые бастионы крепости Пиллау, прусские портовые стражники на пирсах замерли в откровенном изумлении. Они никак не ожидали увидеть в такую погоду тяжелые корабли, врывающиеся в их гавань на раздутых парусах. Мы прибыли.

Мы стояли на обледенелой палубе. Холодный ветер с залива пробирал до костей. Я указал подбородком на лес мачт, виднеющийся в туманной дымке у дальних причалов Пиллау. Там лениво полоскались на ветру сине-желтые стяги.

— Так что, господин Крюйс? — прищурившись, спросил я. — Решение о переходе на русскую службу окончательное? Спрашиваю, смотря на эти шведские фрегаты, что стоят на рейде. Отличная возможность доказать преданность русскому царю прямо сейчас.

Я внимательно следил за реакцией голландца.

— Я прекрасно понимаю, к чему вы клоните, господин Стрельчин, — Крюйс тяжело вздохнул, выпустив облачко пара, и покачал головой. — Но вынужден напомнить: мы прибыли сюда на зафрахтованных кораблях голландской торговой компании. Атаковать боевые шведские вымпелы в нейтральном порту мы не можем. И дело не в том, что мы трусы. Поднимется такой международный вой, что мы не расплатимся. Что же касается службы русскому царю... да, мое решение неизменно. Но я моряк, а не безумец.

Я едва заметно улыбнулся и кивнул. Этот провокационный вопрос был своего рода проверкой: насколько далеко готов зайти этот амбициозный человек. Атаковать шведов — пусть мы с ними и в состоянии войны — в нейтральном бранденбургском порту было бы верхом безрассудства. Даже для нынешнего семнадцатого века, где морское право существует скорее на бумаге, чем на деле. Крюйс проверку прошел. Прагматик. То, что нужно для создания флота.

То, что враг находится с нами в одной гавани, в городе, где мы вынуждены остановиться на день или два, я принял к сведению. Значит, будем сходить на берег большой, хорошо вооруженной компанией. И мне срочно нужно навестить местного бургомистра, чтобы он выступил посредником — гарантом того, что мои офицеры, я, люди, которых мы везем в Россию, не будут вырезаны шведами в первой же портовой таверне. Но, скорее всего, именно шведы и пострадают. Как тогда отреагирует городская администрация?

Как бы сильно мои парни сейчас ни рвались в бой, как бы ни чесались у них руки спустить шведам кровь, делать этого категорически нельзя. Напротив, нам жизненно необходимо сохранить нормальные отношения с Бранденбургом. Это набирающее военную мощь государство нужно держать хотя бы в дружественном нейтралитете.

Я вспомнил итоги работы Великого посольства в моей прошлой реальности: никакого союза против Швеции здесь, в Пруссии, выработать так и не удалось. И это логично. Пока не решен вопрос с Османской империей, Европа крайне скептически относится к любым новым войнам на севере. Бранденбург сейчас глубоко увяз в союзе с Габсбургами, обкатывая своих солдат и офицеров в кровавых мясорубках против турок, закаляя тот самый знаменитый прусский военный дух. Им не до шведов.

— И долго нас здесь будут держать, как скот в загоне? — раздраженно бросил я на второй день нашего пребывания в порту.

Вопрос повис в воздухе тесной кают-компания. Никто из присутствующих ответить на него не мог. Местные портовые власти категорически запретили нам спускаться сходни. Алек-

сашка Меншиков может и умудрился бы просочиться на берег, прошерстить портовые тракты Кёнигсберга и принести все слухи. Но мы сидели взаперти.

Капитан Крюйс нервничал не меньше моего. Особенно сегодня утром, когда вода в заливе покрылась тонким, предательски похрустывающим слоем льда. Доблестный флотский офицер, без пяти минут адмирал русского флота, мерял шагами каюту, то и дело бросая тревожные взгляды в иллюминатор. Риск вмерзнуть в лед до весны сводил его с ума.

Дверь в кают-компанию — по размерам больше напоминавшую шкаф — с грохотом распахнулась. На пороге возник запыхавшийся Глеб.

— Что еще? — выдохнул я, массируя виски. — Поляки на нас напали? Шведы брандер пустили? Давай, руби! Я уже ничему не удивлюсь.

— Да нет, ваше сиятельство! — немного растерявшись от моего тона, выпалил Глеб. — По сходням на флагман поднимаются люди! Местные. И, судя по охране, кто-то очень важный.

— Как пустили? — хотел было я начать отчитывать Глеба.

Но нет, я же сам и говорил, чтобы всех пруссаков подпускали к кораблю незамедлительно.

Я тут же вскочил и стал спешно приводить себя в порядок: поправлять камзол, цеплять перевязь со шпагой. Плавание «экспрессом», где всем было плевать на внешний вид, расслабило и меня. Пора возвращаться в образ государственного мужа.

Я вышел на палубу. Навстречу мне, тяжело ступая по промерзшим доскам, уже шел молодой, но весьма представительный чиновник. Его щеки покраснелись от мороза, а взгляд цепко ощупывал снасти и моих вооруженных солдат.

— Герр Додо цу Иннхаузен унд Книпхаузен, президент Генерального военного комиссариата, приглашает вас на обед, господин наставник русского царя и генерал Стрельчин, — практически с места в карьер, едва поравнявшись со мной, чеканя слова, заявил пруссак.

Никаких долгих расшаркиваний. Чисто прусская прямолинейность. Имя прозвучало весомо. Книпхаузен — это уровень. Человек, который держит в железном кулаке всю полицию, армейские финансы и внутренние дела курфюрста.

— С великим удовольствием приму это приглашение, — ответил я, чуть поклонившись, и тут же, не меняя тона, бросил через плечо Глебу: — Поднять два десятка тяжелой пехоты. Готовьтесь к спуску на берег. Оружие к бою.

Как же меня напрягала вода и качка. Явно не мореман. Хотелось быстрее почувствовать под сапогами твердую землю.

— Герр Стрельчин! — прусский чиновник заметил приготовления моих бойцов, лязг взводимых мушкетов, и его брови поползли вверх. — Господин Книпхаузен гарантирует вам абсолютную безопасность на нашей земле! Зачем эта армия?

— Я несомненно уверен, что намерения вашего глубокоуважаемого начальника исполнены чести, — я посмотрел чиновнику прямо в глаза, стараясь говорить максимально учтиво, но с металлом в голосе. — Но в городе находится мой враг. Шведы. Я бы очень не хотел допустить какие-либо кровавые эксцессы, которые бросили бы тень на доброе имя советника курфюрста и нарушили бы порядок во вверенном ему городе. Мои люди идут со мной.

Пруссак поджал губы, оценивающе посмотрел на хмурых русских ветеранов. Но не сказал ничего. Видимо, что мои доводы показались-таки ему убедительными.

Не прошло и часа, как я сидел напротив одного из главных советников правителя Бранденбурга в закрытом, жарко натопленном кабинете портовой ресторации. Хотя этому заведению было далековато от гордого названия “ресторан”. Но таверна казалась чистой, ухоженной, половые расторопные и весьма приятно пахло мясом.

Додо цу Иннхаузен унд Книпхаузен по праву считался главным «силовиком» и архитектором абсолютной власти прусского монарха. Внешне он полностью соответствовал своей репутации: сухощавый, несмотря на возраст, с прямой, как аршин, спиной. Никаких легкомысленных французских париков или ярких камзолов — на нем был строгий, застегнутый на

все пуговицы сюртук из дорогого темного сукна. Глубоко посаженные, цепкие глаза смотрели холодно и расчетливо, а жесткая линия тонких губ выдавала человека, который привык считать каждый талер в казне и каждую каплю крови в армии. Это был настоящий технократ семнадцатого века.

Признаться, но России такого вот человека не хватало. Матвеев чем-то походил по своему образу и действиям на Книпхаузена. Но все же проигрывал, как по мне, в рачительности и в использовании математических методов ведения хозяйства.

Конечно же, я наводил справки от сильных мира сего. Нужно знать, с кем можно иметь дело, кто является столпом для того или иного государства. В крайнем случае, ведь всегда можно ударить по такой вот опоре, чтобы расшатать врага. А врагами, пусть и потенциальными, являются абсолютно все. Ну кроме собственных армии и флота, конечно.

— Понимаете ли вы, генерал, что никакие сложности ни с Россией, ни со Швецией Бранденбургу сейчас не нужны? — заговорил министр, когда слуги поставили перед нами блюда с истекающими жиром свиными рульками. Он сделал глоток терпкого рейнского вина из серебряного кубка. — Мой курфюрст, несомненно, возмущен тем, как вероломно напала Швеция на ваши земли. Но вместе с тем он принимает к сведению и те доводы, которые выставляет шведская сторона, начиная очередной виток противостояния вашего царя и шведского короля.

Я мысленно усмехнулся. Ну еще бы. И нашим, и вашим. Пока это мало походило на ту агрессивную и по части, так и прямолинейную, политику Пруссии, которая будет сотрясать Европу позже. Сейчас они вынуждены быть гибкими.

Да и разве можно, имея высокопрофессиональную, но всего лишь тридцатитысячную армию, играть первую скрипку в европейском концерте? Великий курфюрст Фридрих Вильгельм только начинал милитаризировать свои земли, возвращая ту самую силу, которая уже в следующем веке покажет свое истинное, искаженное шрамами хищное лицо.

— И я благодарен вам, что понимаете ненужность провокаций в Пеллау и в Кенигсберге. Оставайтесь благоразумными, — сказал министр.

Старый чиновник явно счел мои предыдущие доводы о жестком вооруженном ответе на шведские провокации весьма убедительными. Наверняка шведы уже вели себя в порту не лучшим образом, и Книпхаузен был рад чужими руками приструнить наглецов, сохранив при этом лицо Бранденбурга.

Я взялся за нож, пытаюсь разрезать огромную рульку, которая еле помещалась на массивной тарелке. Так себе еда. Я и в прошлой жизни не был фанатом немецкой кухни — слишком жирно, слишком грубо. Но в текущей дипломатической ситуации не похвалить угощение было бы ошибкой.

— Исключительно нежное мясо, господин Книпхаузен. Передайте мою похвалу хозяину, — я отправил кусок в рот и, прожевав, продолжил: — Что касается политики... Великое русское посольство в лице князя Прозоровского уже прекрасно осознало, что Бранденбург выдержится от любых военных союзов против Швеции. Мы принимаем ваш нейтралитет. Хотелось бы называть его “дружественным нейтралитетом”.

— Несомненно... Но... нейтралитетом, — усмехнулся министр.

Пока я говорил, в голове билась тревожная мысль. Насколько мне было известно, здесь, в Кёнигсберге, были некоторые русские купцы, связанные с боярином Матвеевым. Они пробовали открыть постоянное торговое представительство.

Курфюрст Бранденбурга даже дал официальное согласие на этот торговый эксперимент. Признаться, я слабо представлял, как именно русские купцы будут доставлять сюда грузы — ведь Балтийское море пока для нас закрыто. Разве что сухопутными тропами через Польшу? Но ведь и там не все гладко.

Но пугало меня другое. Как бы этот проныра Матвеев, тайком от меня, ради политических преференций со стороны милитаризованного Бранденбурга не начал приторговывать

нашими новыми технологиями. Улучшенные пули, чертежи бумажных патронов, штыки — все то, что прямо сейчас делало русскую армию сильнее. Если пруссаки наложат на это руки, последствия для истории могут быть непредсказуемыми. Нужно срочно послать Глеба проверить склады наших купцов.

А на такие мысли меня наводило то, что пруссаки в целом согласились на торговые отношения. Нет, они не были такими изоляционистами, чтобы не торговать. Но Россия все еще не прорубила то самое “окно в Европу”, чтобы в нас видели партнеров.

— Вы всё правильно расценили, господин Стрельчин, — голос Книпхаузена вырвал меня из размышлений. Он отложил приборы и подался вперед, сцепив пальцы в замок. — Но поверьте и примите во внимание еще кое-что. Мы частным образом, но крайне внимательно отслеживаем действия России за последние годы. И наш нейтралитет... скажем так, может приобрести иные оттенки. Все может измениться, если Европе станет очевидна ваша безоговорочная победа над шведами. Ну и что османский султан, вдруг, согласится на долгосрочный мир. Разве же не за то, что с вами договаривался, убили предыдущего визиря султана? Покажите, что вы умеете побеждать не только степные орды, но не правильные европейские армии. И турков били словно бы исподтишка.

Заявление было более чем интересным. Причем сказано оно было таким тоном, который не подразумевал дальнейших расспросов или пустых обещаний с моей стороны.

Книпхаузен бросил мяч на мою половину поля. И он был прав: если мы начнем громить шведов и турок на полях сражений, ряд европейских политиков переобуется в воздухе с поразительной скоростью. Век абсолютизма уважает только силу. Да и всегда и все уважали только силу. К сожалению, но человечество и в том будущем, которое я оставил, не достигло такого уровня гуманизма, чтобы говорить о самой возможности когда-то обойтись без войн.

— Вот поэтому я и принял упреждающее решение, — Книпхаузен отодвинул от себя тарелку с наполовину недоеденной рулькой. — Чтобы избежать ненужной резни на моих причалах, я распорядился своими силами организовать для вас обоз. Вы незамедлительно отправитесь на территорию Польши, где шведы пока еще не гуляют, как у себя дома. Завтра поутру пусть ваши квартирмейстеры придут и примут мой... скажем так, подарок.

— Подарок? — я чуть приподнял бровь, зная цену дипломатической щедрости.

— Услугу по справедливой цене, — тонко усмехнулся немец. — Я выделю вам нужное количество крепких телег и тягловых коней. Возьму за это ровно столько, сколько они стоят, без грабительских портовых наценок. Но заметьте, генерал: без моего прямого дозволения купить в этом городе обоз вам было бы крайне сложно. А если откровенно — попросту невозможно.

Я молча кивнул, признавая его правоту. Да уж, прусский прагматизм во всей красе. Скрупулезный подсчет издержек, жесткий контроль и умение извлечь выгоду даже из потенциального конфликта — вот что позволяло этим людям создавать свою военную машину. Иначе на этих холодных, песчаных землях Бранденбург так бы и остался раздробленным придатком к владениям австрийского императора.

У нас другой путь развития, это несомненно. Русский никогда не станет немцем и наоборот. Но чуточку прагматизма все же не помешало бы и нашей широкой душе.

Выбора у меня действительно не было, да я и сам чертовски спешил. План вырисовывался четкий: выдвинуться отсюда, пройти форсированным маршем через польские земли, зацепить краем Курляндию и в самом скором времени выйти к Пскову. До этого, конечно, отпустить к Смоленску и дальше на Москву всех тех мастеровых, что ехали с нами.

Мне нужно было лично разведать обстановку у взятого шведами русского города, а затем искать те наши регулярные полки, которые просто обязаны были прямо сейчас двигаться ему на выручку.

Я искренне поблагодарил министра за дальновидность, мы обменялись сухими, протокольными любезностями, и я направился обратно на флагман. Нужно было урвать хотя бы несколько часов сна перед тяжелой дорогой.

Утро выдалось суматошным, холодным и громким. Рассчитывали управиться быстро, но на деле погрузка растянулась до самого обеда. С кораблей по обледенелым, скользким сходням непрерывным потоком спускали тяжелые сундуки, бочонки с порохом, станки и людей. Голландские и французские мастера зябко кутались в плащи.

Было видно, что многие из них уже сожалеют, что решились. Но, ничего, придут на место, обогреем, “подогреем” серебром и жилищем. Вновь будут рады, что вырвались в Россию.

На пирсе нас уже ждал обещанный прусский обоз. Книпхаузен не обманул ни в цене, ни в качестве: повозки были добротными, лошади — сытыми и крепкими. Я расплатился с прусским казначеем звонким золотом, и работа закипела с удвоенной силой.

Мы грузились жестко, на маты я уже не обращал внимание. Лязгали железяки, скрипели повозки, спешно формировалась походная колонна. И что было особенно примечательно — за все эти часы на набережных и в окнах портовых таверн не мелькнуло ни одного сине-желтого шведского мундира. Книпхаузен сдержал слово: прусская стража, очевидно, просто заперла разъяренных скандинавских капитанов и их команды под жесткий арест, пока русские не убегутся из города.

Наконец, Глеб взмахнул рукой. Щелкнули кнуты, возницы закричали на лошадей, и наша колонна, оглушительно скрипя колесами по промерзшей брусчатке, тяжело двинулась прочь из Пиллау, оставляя за спиной стылое Балтийское море. Впереди нас ждала долгая дорога домой.

Война... И судя по тому, как даже кони то и дело спотыкались на оледенелых камнях, не столько Северная война началась, а как бы не Ледяная.

А может, лед еще сыграет свою роль в этой войне?

Глава 3

Ржев.

26 декабря 1684 года.

Русская армия под верховным командованием герцога де Круа продвигалась вперед мучительно, катастрофически медленно. И это при том, что в составе войск шли закаленные полки, ветераны, прекрасно знавшие, что такое настоящие марш-броски.

Никита Данилович Глебов, генерал-майор, командующий почти всеми, кроме только двух рейтарских конных полков, которые взял под свое командование герцог, понимал, что мог бы идти со скоростью в три раза быстрее, чем сейчас. При этом еще и делал снисхождение для пехоты.

Глебов дважды высказывался на Военных Советах, которые в первые три дня регулярно собирал де Круа. Но...

— Да, я услышал вас и ваше мнение важно, но напоминаю, что командующий здесь я, — вот такие слова неизменно, даже не потрудившись перефразировать, говорил герцог.

А после и советы закончились, так как командующий считал, что они бесполезные разговоры и трата времени, когда нужно спешить. Вот такая казуистика. Идут медленно, но на словах, так и спешат во весь опор.

В нынешних условиях, по схваченным легким морозцем, твердым дорогам, они легко могли бы преодолеть по сорок верст за один световой день и немного в темноте, если дорога очевидна — стоило лишь грамотно организовать питание и короткие привалы. А при нужде могли бы дать и больше. Но армия ползла, как сонная муха.

Сам Карл Евгений де Круа чаще всего восседал на своем породистом скакуне гордо, с выправкой истинного полководца. Он то и дело гарцевал перед строем, предпочитая показывать офицерам и нижним чинам, что он — бравый кавалерист, рубака и своего рода «отец солдатам». А еще, что ни снег, ни ледяной дождь, который как-то почти целый день лил, нипочем.

Вот только обмануть бывалых командиров, включая генерал-майора Никиту Даниловича Глебова, было сложно. Каждое утро и каждый вечер вся армия видела те роскошные, неподъемные походные шатры, которые раскидывались на бивуаках исключительно для того, чтобы главнокомандующий мог с комфортом отдохнуть. А вместе с ним — его личная свита: четыре музыканта, два шеф-повара и целая дюжина прислужников.

Там же были какие-то квартирмейстеры, которые чем занимаются, никто и не знал. А вот штабная работа, которая уже велась в русской армии, которую освоил даже далеко не молодой фельдмаршал Ромодановский, не велась вовсе.

Да, русские бояре тоже издавна имели привычку тащить за собой в поход огромные обозы с челядью, пытаясь воссоздать в полевых условиях уют своих московских усадеб. Но герцог, который на словах позиционировал себя почти простым, неприхотливым рубахой-парнем, в этом лицемерии явно перебарщивал. На фоне показной солдатской простоты подобные барские замашки воспринимались как откровенная ложь, да еще и исходящая от спесивого иностранца. Русские полки начинали тихо, но единодушно ненавидеть де Круа.

Никита Данилович Глебов, командующий большей частью русской кавалерии, честно пытался наладить с главнокомандующим хоть какие-то отношения. Хотя бы сугубо деловое взаимодействие. Но заносчивый иноземец, искренне считавший, что в военном деле существует лишь одно правильное мнение — и оно, разумеется, принадлежит только ему, — раз за разом высокомерно отмахивался от советов. А после, так и откровенно избегал общения с Глебовым, да и с другими русскими полковниками.

В конце концов, это поведение вызвало у Глебова такие яростные эмоции, что генерал-майор не выдержал и, запершись в своей палатке, написал прямое, резкое донесение государю.

— Ваше превосходительство, — негромко окликнули его со спины.

Дело было на очередном, совершенно бессмысленном и слишком затянувшемся бивуаке. Глебов обернулся и увидел ротмистра Карелина.

Генерал-майор прекрасно знал этого тихого офицера. А еще он знал его главную тайну: Карелин был не просто кавалеристом, он был соглядатаем от Стрельчина. Когда-то давно, еще во время Крымских походов, сам факт наличия шпионов в собственных рядах до крайности возмутил прямолинейного Никиту Даниловича. Тогда у него состоялся весьма жесткий разговор с Егором Ивановичем Стрельчиным.

Если бы между ними не было взаимного уважения, возникшего еще во время усмирения Стрелецкого бунта, то пролилась бы кровь, или разговор попросту не состоялся бы. Однако Егор Иванович Стрельчин тогда сумел охладить пыл генерала.

— Он не мой личный цепной пес, Никита. Он — человек Отечества, — жестко глядя в глаза Глебову, отрезал тогда Егор Иванович. — Тебе лично от меня скрывать нечего. Но пойми: если в нашей армии не будет людей, способных незаметно следить за иноземными наемниками, мы скоро получим удар в спину. Да и свои... Ты же понимаешь. Вон, выявил же я предателей из казаков, сына Черниговского полка казачьего. Так что... не сердчай. И когда меня рядом не будет, то к тебе он и придет и расскажет, если что узнает.

Не сразу, но Глебов правила этой игры принял. А позже даже проникся признательностью к Стрельчину за то, что был посвящен в эту государственную тайну. Ведь даже всесильный князь-главнокомандующий Григорий Григорьевич Ромодановский не догадывался, что в ряде подразделений есть неприметные офицеры, которые не только следят за возможной изменой иностранцев, но и выискивают крамолу среди боярских людей. А таких «слухачей», как оказалось, в армии было немало, и все они исправно строчили доносы своим хозяевам в Москву.

Вот и выходило, что есть слухачи от одних бояр, есть и от боярина Стрельчина. Но последний утверждает, что все люди «слушающие» проходят по ведомству Тайной канцелярии. Так что, действительно, государевы люди.

— Вы это обронули, сударь, — спокойно произнес Карелин, протягивая сложенный вчетверо лист бумаги.

Глебов машинально взял послание, перевернул его и похолодел: он сразу же распознал собственное письмо. То самое, которое он вчера, кипя от праведного гнева, да и признаться, во хмели, написал государю и передал с вестовым.

— Да как ты смеешь?! — зарычал Глебов, хватаясь за эфес палаша. Лицо его пошло красными пятнами. — Ты в мои бумаги лезешь?!

Карелин даже не шелохнулся, лишь опустил глаза.

— Если вы прямо сейчас прикажете доставить это письмо по назначению, ваше превосходительство, то через четыре дня, куда как быстрее, чем любой вестовой, государь его прочтет. Если не раньше, — голос ротмистра был тусклым и лишенным эмоций. — Я осмелился перехватить его. И я готов понести за это любое наказание вплоть до казни. Но я сделал это для того, чтобы вы имели возможность написать другое воззвание к государю.

Карелин поднял взгляд на генерала, и Глебов осекся.

— По делам герцога де Круа есть нечто такое, что государь должен узнать немедленно, — ротмистр сглотнул. — Ваше превосходительство... все должны знать, «куда» именно мы идем.

Последние слова Карелин произнес столь обреченным, почти могильным тоном, что Глебов, человек не робкого десятка и прошедший не одну кампанию, внезапно почувствовал, как по спине пробежал ледяной холодок.

За пределами огромного, в три яруса раскинутого шатра стлался сырой, пробирающий до костей холод. Командующий вошел во внутрь шатра и тут же вышел. Казалось, что тут куда как холоднее, чем даже вне большого строения.

— Скотина! Почему не протопил? – кричал де Круа, ударяя ногой под оттопыренный зад слуги, который понимал, что если бегать от герцога, то можно получить куда как больше боли, чем вот так...

Унизительно, не без этого. Но когда унижение стало привычкой, то и не унижение это вовсе. Вопрос же только в восприятии.

— Нынче, ваша светлость, нынче же, – приговаривал слуга, отсчитывая число пинков ногой под зад.

Обычно герцога хватало только на дюжину таких ударов. Потом он уставал и даже добрел.

“Десять... Одиннадцать... Двенадцать... Тринадцать”, – с удивлением считал слуга, силезец, которого герцог таскает постоянно за собой.

Да, сегодня его светлость не поленился, себя превзошел. Тринадцать раз своей “благословенной” ногой ударил по заднице слуги.

— А теперь нагрей пои покои! – потребовал запыхавшийся от трудоемкой работы по воспитанию слуги, герцог.

Шатер топился по заумной технологии. Трубы, медные, проведены во внутрь, но сама печь вынесена.

Скоро внутри шатра было относительно тепло. Раздеваться все еще не выходило, но того и не нужно. А когда слуги стали заносить в шатер раскаленные камни, так и вовсе комфортно стало.

И сейчас, здесь, внутри ставки главнокомандующего, царил совершенно иной мир. Мир, беззастенчиво вырванный из роскошных дворцов Вены или Версаля и перенесенный в дикие северные пустоши.

Карл Евгений, герцог де Круа, принц Священной Римской империи, изволил обедать.

Толстые персидские ковры, уложенные поверх дощатого настила, надежно скрадывали холод промерзшей земли. В четырех углах обширного пространства чадили дорогим ароматным углем бронзовые жаровни, наполняя воздух густым, душным запахом сандала и ладана, призванным перебить вонь солдатского лагеря. Свод шатра изнутри был подбит темно-бордовым бархатом, чтобы удерживать тепло. На тяжелом дубовом столе, покрытом белоснежной голландской скатертью, тускло поблескивало тяжелое фамильное серебро.

В углу шатра, на специально сколоченном возвышении, квартет выписанных из Саксонии музыкантов тихо и меланхолично выводил сонаты Корелли. Звуки виолончели и скрипок причудливо смешивались с треском углей, которые стали накидывать на камни, чтобы те не остывали.

Герцог де Круа, уже облаченный в домашний шелковый халат поверх расшитого золотой нитью камзола, сидел в кресле с высокой спинкой. На его напудренном лице, тронутом сеткой мелких морщин и легкой одутловатостью от чрезмерного употребления вина, блуждала скука.

Он лениво отковырнул серебряной вилкой кусочек истекающего соком жареного фазана, щедро политого французским соусом. За его спиной застыли двое слуг-ливреев, готовые по первому взмаху руки подлить бургундского в хрустальный кубок.

Внезапно тяжелый полог у входа откинулся. В шатер вместе с клубами морозного пара и резким запахом конского пота, дымных костров и мокрой шерсти шагнул человек.

— Я не позволял никому заходить! – разъярился герцог.

Музыканты сбились с такта, скрипка жалобно пискнула. Де Круа поморщился, с раздражением бросив вилку на фарфоровое блюдо.

— Мне можно, – сказал человек, снимая не перчатки, а “варежка” и передавая их лакею.

Вошедший не был русским. Высокий, сухощавый, с рублеными чертами лица и холодными глазами. На нем был строгий, лишенный каких-либо украшений мундир австрийской императорской армии, забрызганный грязью до самых колен.

Это был оберст Отто фон Венцель — военный представитель Священной Римской империи при русской ставке. Именно он, спекулируя возможностью глубокого и, якобы, честного, Русско-Австрийского, отдельного от Священной Лиги, союза, и уговорил Петра Алексеевича утвердить де Круа командующим.

Молодой царь, так воодушевившись возможностью обещанного признания от европейских стран, а так же включения России в число стран-победительниц Османской империи, что пошел на многое. Даже того своего фельдмаршала, Ромодановского в опалу послал.

И теперь нужно срочно пользоваться полученной возможностью. Иначе уже скоро могут найтись рядом с царем те люди, которые распознают интригу. Да и Петр не сказать, что дурак. А для своего возраста, таки и умен, как не каждый поживший на белом свете монарх. Впечатлительный, конечно, и желающий быть признанным другими европейскими монархами, но это же пройдет.

— Ваша светлость, — фон Венцель сухо кивнул, даже не подумав снять треуголку. Его голос прозвучал как лязг затвора — резко и неуместно в этой обители изнеженности. — Приятного аппетита. Надеюсь, фазан достаточно хорош?

— Оберст, вы врываетесь ко мне, как к себе в казарму, — процедил де Круа, промокая губы батистовой салфеткой. — Разве часовые не доложили вам, что главнокомандующий изволит трапезничать?

— Часовые вашей светлости стоят на морозном ветру и под ледяным снегом с дождем. И так уже шестой час, и они слишком замерзли, чтобы преграждать путь человеку, чьи бумаги подписаны императорской печатью Габсбургов, — невозмутимо ответил австриец. Он сделал шаг вперед, оставляя на персидском ковре грязные следы. — Велите вашим людям выйти. Всем. И музыкантам тоже. Разговор не терпит отлагательств.

Де Круа побагровел. Его гордость аристократа бунтовала против такого приказного тона от простого полковника. Но герцог слишком хорошо знал, “кто” именно стоит за спиной фон Венцеля.

Главнокомандующий коротко взмахнул рукой с униженными перстнями пальцами.

— Вон. Оставьте нас, — бросил он слугам.

Квартет, не доиграв партию, поспешно ретировался. Слуги бесшумно выскользнули следом, плотно задернув тяжелый полог. В шатре повисла давящая тишина, прерываемая лишь шипением капающего жира на жаровнях.

— Я слушаю вас, фон Венцель, — де Круа откинулся на спинку кресла, скрестив руки на груди. — Что такого срочного могло заставить вас испортить мне обед? Шведы уже перешли Нарову?

Австриец не ответил на иронию. Он подошел к столу, налил себе вина в чистый кубок, но пить не стал, лишь задумчиво покрутил его в пальцах, наблюдая, как красная жидкость оставляет маслянистые следы на хрустале.

— Ваша светлость, — оберст почти шептал, боясь быть услышанным. — Вы помните, какими усилиями вы получили этот маршальский жезл? Вы помните, чего стоило дипломатическому корпусу Вены убедить этого... вспльчивого малолетнего царя Петра доверить армию именно вам, а не своим хваленым русским генералам?

Де Круа сузил глаза.

— Я получил эту должность благодаря своим выдающимся заслугам перед христианским миром, оберст. Я бил турок, когда Петр еще под стол пешком ходил.

— Вы получили эту должность, герцог, — безжалостно перебил его фон Венцель, и его глаза превратились в две узкие щели, — потому что шептали Петру на ухо о вашем непревзой-

денном гении. Вы здесь не из-за своих былых заслуг. Вы здесь потому, что Вена посчитала вас подходящим инструментом для этой кампании.

— Следите за языком, фон Венцель! — герцог подался вперед, опираясь руками о стол. — Я главнокомандующий!

— Вы наемник, Карл Евгений, — холодно парировал австриец, ставя кубок на стол. — Наемник, который очень любит роскошь, карточные игры и имеет колоссальные долги перед венскими банкирами. И сейчас пришло время платить по счетам.

Де Круа тяжело задышал, но промолчал, отводя взгляд. Он знал, что возразить нечего.

— Вена обеспокоена, ваша светлость. Очень обеспокоена, — фон Венцель начал медленно прохаживаться вдоль стола, чеканя каждое слово. — Этот русский медведь слишком быстро наращивает клыки. Посмотрите, что происходит. Они взяли Азов. Они громят татар. У них появилась новая кавалерия, новые мушкетеры, какая-то дьявольская тактика с этими бумажными патронами и штыками. Этот выскочка, генерал Стрельчин, переворачивает военное дело с ног на голову.

Австриец остановился и вперил в герцога тяжелый взгляд.

— Вы понимаете геополитическую суть происходящего, герцог? Если Россия сейчас сомнет шведов, если она получит окно в Балтику и закрепит за собой статус великой державы на севере, куда, по-вашему, Петр обратит свой взор дальше?

Де Круа молчал, нервно теребя кружева на манжетах.

— Я скажу вам, куда, — фон Венцель наклонился через стол так близко, что герцог почувствовал запах дорожной пыли, исходивший от его мундира. — Он повернет на юг. К Черному морю. В Молдавию. В Валахию. На Балканы. Он назовет себя защитником всех православных и влезет в сферу жизненных интересов Священной Римской империи. Сильная Россия, претендующая на турецкое наследство и наши буферные зоны, Австрии не нужна. Это смерть для империи Габсбургов. Мы не можем позволить варварам диктовать условия в Европе.

Ничего нового де Круа не услышал. Он когда принимал решение участвовать в этой авантюре, уже все прекрасно понимал. И знал, во имя чего он готов сделать то, что скоро обязательно произойдет.

— И что... что конкретно от меня требуется? — спросил он. — Вы все этого говорите... Может быть мои задачи изменились?

— Требуется, чтобы эта армия, — австриец широким жестом указал на полог шатра, за которым мерзли десятки тысяч русских солдат, — никогда не дошла до триумфа. Требуется, чтобы на этом этапе войны Россия потерпела сокрушительное, унижительное поражение. Поражение, которое заставит Петра зализывать раны ближайшие десять лет и забудет о геополитических амбициях. Ну и больше санитарных потерь. Впрочем... вы и так с этим справляетесь. Если бы подобное, особенно, что замалчиваете масштабы, было в армии императора... вас было бы мало казнить.

— Вы предложили предать армию, которой я команду, — прошептал де Круа. — Но моя репутация... Если мы будем разбиты, позор падет на мою голову! Шведский король Карл... он не сумасшедший! Он вырежет нас всех! Чего еще вы хотите? Зачем здесь? Разве же я что-то делаю не так?

— Не паникуйте, ваша светлость. Вы принц Священной Римской империи. Вы служите императору, вы все делаете так. Но... я должен вам напоминать о себе, — презрительно скривил губы фон Венцель.

Австриец вытащил из-за обшлага мундира плотный, скрепленный сургучом конверт и бросил его на стол. Конверт с глухим стуком лег рядом с серебряным блюдом.

— Здесь подробные инструкции, — жестко сказал оберст. — Они прибыли мне недавно. Тут все согласовано уже со шведами. Вы должны растянуть армию на марше. Вы должны игно-

рировать любые советы русских генералов — особенно этого Глебова. Ставьте лагерь в самых невыгодных местах. Ослабьте фланги. И самое главное: заставьте их сомневаться. Заставьте их верить, что их главнокомандующий — надменный идиот. Пусть они возненавидят вас, герцог. Армия, которая ненавидит своего командующего и разделена изнутри, рассыплется при первом же ударе шведских пик.

— И за лучшее вы видите бунт в армии? – спросил герцог.

— Как одно из решений, то да. Но вы успеете все же завести русских в ловушку и сбежать. Так что до бунта не дойдет, – сказал полковник.

— Давайте обедать, и закончим с этим разговором. Не думаю, что нас могут слушать, но то, что не произнесено и не услышано будет, – мудро заметил де Круа.

Глава 4

Юг Курляндии.

22 декабря 1684 года.

На границе с Польшей нас промурыжили двое суток. Мы стояли на пронизывающем ветру, лошади нервно переступали замерзшими копытами, люди грелись у разведенных костров, которые чуть тлели, так как ветки и сухостой, найденные в округе, были сырыми.

И задержка случилась вовсе не потому, что поляки уперлись и не хотели нас впускать на польские земли. Банально некому было поставить подпись на подорожной и дать официальное разрешение на проход. Власть в стране была парализована. Обойти же мы могли, но это как-то... ну не воры же мы. Да и не монолитный отряд бойцов. С нами много людей, не военных специальностей.

Прямо сейчас в столице Речи Посполитой шли тяжелые, скрипучие переговоры между двумя враждующими магнатскими группировками. Коалиция под предводительством Радзивиллов, напоровшись на штыки и пушки со стороны Сапег, увязла в позиционной мясорубке.

В обе стороны пролились настоящие реки крови, но в итоге вся эта грандиозная гражданская война уперлась в тупиковую ситуацию. С одной стороны, войска коалиции обломали зубы и так и не смогли взять штурмом родовое гнездо Сапег в Ружанах. С другой же — у самих Сапег уже не было сил развивать контрнаступление на своих противников. Хотя несколько дерзких операций, уверен, что спланированных и осуществленных Касемом, Сапеги провели.

Ох... Серебра же я должен получить! Дело в том, что если мои люди поспособствуют победе или непоражению Сапег, то по договоренности выплата составит до 800 тысяч талеров. Очень много. Я поражен, что у польских магнатов есть такие деньги. Нет, я и раньше, и в своем будущем, знал, что одни из самых богатых аристократов XVII века – поляки и литвины. Но чтобы настолько?

На кол бы каждого из магнатов посадить за то, что при таких деньгах, возможностях, проср... расстратили потенциал своей недоимперии. Нет, нам-то от того польза. И не за горами и разделы Польши. Но как пример, показателен. И на следующем уроке с Петром нужно будет сделать на это акцент. Деньги должны работать!

Жаль, но гражданская война в Польше похоже, что все... Обе стороны выдохлись настолько, что были вынуждены сбросить спесь, утереть кровавые сопли и, брезгливо кривясь, сесть за стол переговоров.

И самое смешное, что об этой ситуации, развернувшейся в стране, не знал только глухой и слепой, даже тут, на фронтире, в “заходних кресах и украинах” польско-литовской державы.

Стоило мне в первый же вечер зайти в местный трактир и разделить обед с одним из скучающих польских офицеров пограничной стражи, как тот, охмелев от нескольких кружек крепкого хмельного, вывалил мне на стол все стратегические расклады. То, что в любой нормальной империи имело бы гриф «Совершенно секретно», здесь обсуждалось под квашеную капусту. Шило в мешке не утаишь, особенно когда мешок дырявый.

На третий день из Торуня наконец-то прибыл гонец с бумагой, и мы могли двигаться дальше.

Правда, теперь к нашему обозу приставили эскорт: сразу две сотни конных. И это были далеко не прославленные крылатые гусары в сверкающих доспехах, а какой-то разношерстный, дурно пахнущий дешевым медом и пивом сброд. Вели эти «стражи» себя крайне неподобающим образом: гарцевали слишком близко к нашим телегам, выкрикивали сальности, скалили зубы и всячески провоцировали моих людей на конфликт.

Терпеть это я не собирался. На первом же крупном привале я отдал жесткий приказ: развернуть строй и провести показательную тренировку с боевыми стрельбами.

Когда над заснеженной поляной прогремел слитный, как удар хлыста, залп, а мишени в трех сотнях шагов разлетелись в щепки, ситуация кардинально изменилась. Мы методично, с привычным спокойствием продемонстрировали ту отточенную воинскую выучку, о которой этим крикливым недовоякам оставалось только мечтать.

В той сотне бойцов, что сопровождала мой обоз, шли действительно лучшие из лучших. Волкодавы. Я был абсолютно уверен, что, если бы прямо сейчас дело дошло до резни, против среднего польского полка мы выстояли бы. Спесь с эскорта слетела моментально, и дальше они ехали молча, держась на почтительном расстоянии.

Двигались мы быстро. Насколько это вообще позволяли разбитые зимние дороги и выносливость тягловых животных. Именно лошадям требовался частый отдых, мои люди же, шедшие не совсем по направлению вынужденно, уставали в гораздо меньшей степени. Ну а мастеровые и их семьи ехали в крытых возах, так что не уставали от физического труда. А вот морально, наверняка, измотались.

Не заезжая в сам Торунь, мы остановились в его окрестностях, где я за звонкую монету оперативно скупил у местных крестьян еще с десятков крепких повозок и свежих коней. Таким образом решилась одна из основных проблем – теперь никто из моих бойцов не месил грязь пешком. Все располагались в телегах или в седлах, что позволило нам ускориться чуть ли не в двое.

Заезжать в Варшаву я категорически не хотел.

Во-первых, именно там сейчас бурлил котел переговоров. Появление в столице русского обоза — пусть даже формально мирного и невооруженного — стало бы мощным политическим фактором, который каждая из сторон попыталась бы использовать в своих интересах.

Во-вторых, поляки прекрасно знали, что Сапеги в критический момент прибегли к найму русских отрядов. И именно эти отряды — мои отряды! Они жестко сломали хребет врагу, не позволив хваленной артиллерии Огинских и Радзивиллов безнаказанно расстреливать замок в Ружанах.

Так что коалиция питала к нам, и лично ко мне, крайне негативные, вполне кровожадные чувства. Но я был уверен, что и вторая сторона — тот же Ян Казимир Сапега — сейчас с удовольствием свернул бы мне шею, лишь бы всеми способами откреститься от того унижительного факта, что он выжил только благодаря русским штыкам.

Так что мы гнали лошадей, стремясь как можно быстрее проскочить этот опасный польский коридор, разделявший Восточную Пруссию и Курляндию. Пусть Курляндия и считалась номинально польской землей, но по факту там действовали совершенно иные законы и правила. Там мы могли бы немного выдохнуть.

Однако именно на самой границе с Курляндией наш уверенный шаг внезапно оборвался.

— Командир, впереди дорога перекрыта. Как бы не целый полк стоит в боевом порядке, — хмуро доложил мне вернувшийся разведчик, осаживая уставшего коня.

Я молчал. Слез с седла, подошел к обочине и тяжело присел на ствол поваленной сосны. Снял перчатку, провел ладонью по шершавой, промерзшей коре размышляя.

Разворачиваться или паниковать — не вариант. Холодная логика подсказывала, что если бы нас действительно хотели просто уничтожить, это сделали бы во время пути, ударив в спину. И уж как минимум наше конное сопровождение, которое всю дорогу параллельно тащилось по обеим сторонам тракта на удалении в полторы-две версты, давно должно было бы зашевелиться и взять нас в клещи. Но нет. Лес вокруг был спокоен. Значит, это не засада, а, скорее, демонстрация силы.

— Двигай поближе. Спроси, чего они хотят, — сухо бросил я разведчику.

Снег брызгами высыпал из-под копыт тяжело дышащего коня. Разведчик, которого я послал вперед, чтобы выяснить, кто посмел перекрыть тракт моему мирному русскому обозу, резко остановил животное и спрыгнул на истоптанный подмерзший снег.

Я слушал его торопливый доклад, а сам вглядывался вдаль. Согласен, подобные переходы иностранных обозов, особенно если они официальные, и я заявляю статус представителя Великого Русского Посольства, должны согласовываться с местными властями. Но выставить против нас регулярные войска? Они что, серьезно хотят развязать локальную войну прямо здесь и сейчас?

Хотя, если смотреть на вещи прагматично, несмотря на начавшуюся войну со Швецией, окно появившихся возможностей по отношению к Речи Посполитой никто не отменял. У них сейчас творится такой внутренний хаос, что я искренне не представляю, каким чудом поляки и литвины будут выбираться из этой политической и экономической мясорубки.

Если еще года два методично поддерживать и раскачивать вылезшие наружу кризисные явления, например, передачу земли вместе с крестьянами в лапы алчным земледержателям, которые сейчас буквально выжимают все соки из людей и пашни, соседнее государство рухнет самостоятельно.

При желании можно было бы легко спровоцировать панику на их рынках, спекулируя зерном и товарами. Благо, возможности для этого у меня уже имеются. А учитывая, что в их недавней родовой междоусобице, которая переросла в полноценную гражданскую войну, ушли основные производительные силы, а некоторые города, вроде той же Пружан или Ружан, Несвижа, Каменца, даже Быхова были выжжены дотла, выкарабкаются они очень нескоро.

— Господин, они передали, что не хотят бойни. Сказали, что только лишь хотят с вами поговорить, — доложил разведчик, вытирая рукавом вспотевший на морозе лоб.

Я криво, по-волчьи усмехнулся. Меня еще никто и никогда так отчаянно не принуждал к «простому разговору». Стало даже дико интересно, кому же это так приспичило поболтать, что ради одной беседы он притащил сюда целый пехотный полк и дополнительно кавалерию в придачу?

Особенно если брать в расчет катастрофические потери полейков под Веной. Та битва выкосила цвет их армии. Плюс внутренняя резня между магнатами... У них сейчас каждая сотня профессиональных воинов на вес золота. Вот и выходит, что ради randevu со мной кто-то пригнал сюда, возможно, и единственное полнокровное, боеспособное соединение во всей округе.

— Готовьтесь, — бросил я своим людям.

Конечно, я поехал на этот разговор. Но перед тем, как гнать коня, короткими жестами расставил своих метких стрелков по скрытым позициям. Штуцерники, или, как их порой называли в войсках, «винтовальники», растворились в придорожном лесу, занимая высоты и накинув белоснежные маскхалаты. Если бы кто-то с польской стороны вдруг посчитал нужным нарушить нормы поведения и напасть на то мое скудное, чисто номинальное охранение, которое я взял с собой на переговоры, они бы в ту же секунду умылись кровью от прицельного свинцового огня.

Мы выехали на открытое пространство. Я всмотрелся в фигуру, ожидавшую меня впереди, и едва не поперхнулся морозным воздухом. Удивительно...

Я осадил коня в нескольких шагах от делегации, окинул взглядом стоящую передо мной персону и заговорил на французском:

— Мадам, на каком языке вам будет угодно вести беседу? Если вы не возражаете, я предпочел бы немецкий. Вашим родным, французским, я владею не очень хорошо и боюсь, что не смогу передать на этом богатом языке все то безмерное восхищение, в которое вы меня повергли, появившись здесь и засияв своей красотой посреди этих снегов.

Фух... Еле выговорил эту виртуозную дичь. Но начать переговоры с такого уровня особой нужно было именно с витиеватого комплимента. Потому что передо мной стояла не кто-нибудь...

— Можно и немецкий, — бросила женщина.

— Мадам Собеская. Я готов был увидеть здесь кого угодно, но только не вас. Не могу даже отдаленно догадаться, что же сподвигло королеву стремиться ко мне навстречу, да еще и прихватив с собой чуть ли не маленькую армию. Вы стоите здесь среди солдат, словно Жанна д'Арк, — продолжил я уже на твердом немецком, не давая ей опомниться от моего напора и расплыясь в нарочитой вежливости.

Она не дрогнула.

— Мы должны поговорить. Наедине, — строго и безапелляционно, тоном, не терпящим возражений, сказала, как отрезала женщина.

При этом она бросила короткий взгляд себе за спину. В шаге позади нее, стоял человек, облаченный в темный плащ. По словесным портретам я мгновенно узнал его, или, по крайней мере, безошибочно догадался. Мужчина сверлил меня внимательным, тяжелым, просвечивающим насквозь взглядом. Если интуиция меня не подводила, это был не кто иной, как глава иезуитов в Речи Посполитой, генерал Ордена Нарушевич. Серый кардинал при дворе.

Я легко спрыгнул с седла. Скинув перчатку, подошел к пока еще действующей королеве и галантно согнул руку в локте, предлагая ей опереться. Она помедлила секунду, но затем вложила свои пальцы, скрытые дорогой тканью, в мою согнутую руку.

Под скрип снега мы молча отошли в сторонку, подальше от чужих ушей.

Сквозь слои тяжелых, богатых меховых одежд было трудно разглядеть фигуру, но я для себя все равно отметил женскую грацию. Шаг у нее был легким, а осанка безупречной. Для своих лет и после того количества детей, которых она произвела на свет, королева Мария-Казимира оставалась весьма привлекательной женщиной. Скажем так, что, если бы я, прежний, в своей прошлой жизни встретил такую даму, я несомненно ею заинтересовался бы. От нее исходила аура властности, смешанная с тонким ароматом дорогих духов и запахом морозной свежести.

Но едва мы оказались вне пределов слышимости Нарушевича, королева резко остановилась. Ее пальцы до боли впились в мой рукав.

— У тебя мой сын, — без вступлений, с места в карьер ошарашила меня дамочка.

Голос ее дрогнул, выдавая за железной королевской маской отчаявшуюся мать.

Я выдержал ее горящий взгляд, ни единым мускулом лица не выдав своего напряжения.

— Нет, ваше величество. У меня есть два сына: Алексей и Петр. А еще вот недавно дочка родилась, — ровно и спокойно ответил я.

Я не собирался уходить в глухую несознанку, округлять глаза или изображать шок. Напротив, внутренне я подобрался, словно пружина. Мой мозг уже лихорадочно просчитывал варианты. Прямо сейчас передо мной разворачивался новый, невероятно опасный вызов. Ведь я не могу отдать своего сына, даже если об этом будет на коленях умолять сама королева, впрочем, которая...

— Ваше Величество, — я выдержал паузу, позволив морозному ветру бросить в наши лица пригоршню колкой снежной пыли. — Может быть, не стоит совершать поступки, которые навредят всем без исключения? Ваше имя будет безвозвратно опорочено. При этом... примите, как данность, но ребенка я вам не отдам. Ни при каких обстоятельствах. Мы просто устроим публичный, грязный скандал на всю Европу, в котором вы будете безжалостно позориться, теряя остатки репутации. А я... надо, так выведу армию, но защищу семью, как Отечество свое и царя.

Я сделал шаг ближе, вторгаясь в ее личное пространство, и заговорил тише, но жестче:

— И главное — ребенку от этого лучше не станет. Алексей уже привык к тем условиям, к тем людям, которые его сейчас окружают. Поверьте, они, мы, окружили его истинной любовью. Захочу ли я рушить его мир? Нет. Если придется, я буду бороться за него до конца. Даже если ради этого мне понадобится объявить личную войну всей Речи Посполитой, то я это сделаю. И рука моя не дрогнет. И сил хватит.

Я замолчал, глядя, как в темных глазах властной женщины стремительно набухает влага.

Я прекрасно понимал эту парадоксальную психологию. Для любой матери зачастую нет более любимого и болезненно желанного ребенка, чем тот, которого она когда-то предала, бросила или чем-либо обделила. Это словно вывернутая наизнанку притча о блудном сыне. Отец прощает вернувшегося оболтуса и устраивает пир, в упор не замечая, как от этой несправедливости страдает другой сын, который всегда был рядом, пахал на земле, ничем не обидел отца, но так и не дождался от него подобной горячей любви и ласки. Бастард, отданный чужим людям ради сохранения короны, теперь стал для нее навязчивой идеей.

— Я должна увидеть своего сына, — глухо, но с железным упрямством произнесла она. Тонкие губы сжались в белую полоску. — Если вы хотите, чтобы эта тайна так и оставалась тайной, я должна регулярно видеться со своим ребенком. Иначе... я не ручаюсь за последствия. Позор? Но кто я сейчас без Яна? И я уже была с позором, когда в первый раз была замужем, потом к Яну пришла. Я не испугаюсь. Но... да, хочу избежать. Ради своих детей.

Я отвернулся, задумчиво разглядывая чернеющую кромку леса, где замерли мои стрелки.

А ведь если отбросить эмоции, ситуация складывалась прелюбопытная. Передо мной стояла польская королева, которая вот-вот — буквально со дня на день, как только сейм изберет нового монарха — навсегда потеряет этот титул. И в нашей исторической реальности она бесславно отправится доживать свои дни во Францию, в каком-то полузабытом, далеко не самом respectableм шато.

Думаю позволить ей видеться с мальчиком. В конце концов, ее можно было бы представить ему как какую-нибудь дальнюю тетку-иностранку.

— Если вы так отчаянно этого желаете, Ваше Величество, вам придется переехать в Россию, — медленно, чеканя каждое слово, произнес я. И тут же позволил себе короткую, злую усмешку: — Но ведь это невозможно. Даже если вы внезапно решитесь на столь отчаянный шаг, у вас есть законные сыновья. Взрослые мужчины, которые уж точно не захотят бежать в ту самую варварскую страну, с которой всю жизнь яростно боролся их отец и ваш муж. У вас есть дочь...

Дочь... нет, не подойдет она Петру. Мала, сейчас лет восемь. Но не в этом дело. Можно и подождать. Но ведь дочка никто. С такой системой выборности польских королей через дочь претендовать на Польшу не правильно. Так что... нет, другу жену царю подыщем.

Марысенька, как я помнил из историографии, именно так в Польше за глаза называли француженку Марию Казимиру, вскинула подбородок.

— Те из моих сыновей, которые уже достигли самостоятельности, вправе сами выбирать свое будущее, — голос ее окреп, в нем зазвучал холодный политический расчет. — Они могут остаться здесь, в Речи Посполитой. Но, будем откровенны, я не вижу здесь для них никаких перспектив. Страна разорена дотла. Ни один из враждующих магнатских родов так и не уничтожен полностью. Значит, скоро они снова вцепятся друг другу в глотки, пытаясь поделить те жалкие, скудные должности и чины, которые еще остались в государстве. Здесь больше нет места для моих сыновей. А вот в России, возможно, такое место найдется... Или в Священной Римской империи, где сейчас, после страшной бойни под Веной, турки выкосили половину местной аристократии, оставив вакантными сотни титулов и земель.

Я слушал ее и невольно проникался уважением. Марысенька размышляла на удивление здраво и цинично

Однако мне казалось, что прямо сейчас она просто проговаривает это вслух, пытаясь найти для самой себя веские аргументы. Доводы, которые снимут с нее невыносимую тяжесть решения — бросить все и бежать в Россию.

Неужели она действительно решила ради своего внебрачного сына, бастарда, мальчика, которого она, скорее всего, даже ни разу не видела с самого рождения, сорваться с места и уехать в чуждую, холодную, пугающую ее страну?

Этот вопрос я задал ей прямо в лоб, без экивоков.

— Готовы ли вы ради этого всё бросить?

— Да, — не моргнув глазом ответила она. И тут же, словно опытный торговец на рынке, огласила условия: — Готова. Но только если у меня будут твердые гарантии. Если ко мне там будут относиться с должным пиететом и уважением, как подобает статусу вдовствующей польской королевы. Если мне предоставят подобающую усадьбу и достойный дом. Да я куплю. Серебро у меня есть. Я приеду с состоянием. Не бедствую. И... если в вашей России не так бесприсветно скучно, как об этом шепчутся в Варшаве, утверждая, что у вас даже нормальных светских приемов никогда не случается!

Последняя фраза прозвучала настолько по-женски нелепо в этой напряженной ситуации, что чуть меня не рассмешила. Светские приемы? Seriously?

Впрочем... Я быстро сложил в голове исторические факты. А ведь у нее действительно мало чего осталось. Казну покойного Яна Собеского, насколько я знал, ушлые магнаты раздербанили, даже не спросив мнения вдовы. Но это же когда есть с чем сравнивать. Да на ней прямо сейчас столько золота, меха, что за эти деньги можно в России открыть не самую маленькую мануфактуру.

Но роскошные дворцы и замки, которые занимала королевская чета, принадлежали скорее государству, чем лично королю, и теперь из них придется съехать. Истерзанная войной Польша больше не намерена была кормить ни саму Марысеньку, ни весь тот выводок детей и многочисленных французских родственников, что висели на ее шее.

А вот если она переберется в Россию... Тут могли открыться весьма интересные геополитические варианты. Но нужна ли эта амбициозная, интригующая француженка здесь, в Москве? Во Франции – нет. В России? Да. Первый салон, первая светская львица. Такие вот раздражители для ретроградной части русского общества сейчас нужны.

— Я подумаю над тем, что могу вам предложить, — наконец, нарушил я повисшую тишину. Голос мой был сух и деловит. — Но у меня есть главное и нерушимое условие. Вы никогда, ни при каких обстоятельствах не расскажете мальчику о том, что являетесь его биологической матерью. Он будет знать лишь то, что он приемный. Этого факта я от него скрывать не стану. Но вот кто его настоящие родители — думаю, это знание не пойдет на пользу никому. Вы согласны?

Я пристально посмотрел в лицо женщины, отмечая про себя забавную, почти трогательную деталь — на ее длинных, загнутых ресницах осел и искрился на солнце пушистый морозный иней.

Марысенька нахмурила тонкие брови. Было видно, как в ее красивой голове с бешеной скоростью крутятся шестеренки расчета.

— Я подумаю, — медленно, взвешивая каждое слово, ответила бывшая королева Речи Посполитой. — А пока... с вами очень хотят поговорить, господин Стрельчин.

Да, предстоял еще один разговор. И я был к нему готов. Враг мой... иди сюда, поговорим!

Глава 5

Юг Курляндии.

22 декабря 1684 года.

Мария Казимира сделала шаг в сторону, освобождая обзор, и кивнула в направлении закутанной в темный плащ фигуры, неподвижно застывшей на фоне белого снега. Иезуит ждал своей очереди на переговоры со мной. Надо же! Заморочились, примчались.

Оставив Марию-Казимиру наедине с ее тяжелыми раздумьями, я развернулся и, хрустя промерзшим снегом, сделал несколько шагов навстречу закутанной в темный плащ фигуре. Иезуит повернулся. И было видно, по тому, как переминал ногами, что нервничает.

То, что это был именно он, не вызвало уже никаких сомнений. Передо мной стоял невысокий, внешне абсолютно невзрачный, серый человек. В толпе такого не заметишь, пройдешь мимо. Но его глаза выдавали всё. Таким тяжелым, сканирующим, просвечивающим словно рентгеновский луч взглядом мог смотреть только тот, кто собаку съел на дворцовых интригах, тайных операциях и безжалостном препарировании человеческих душ.

Впрочем, глубоко внутри я злорадно усмехнулся: иезуиты со мной всё-таки крупно просчитались. Они не учли слишком много факторов, пытаюсь предугадать, как именно я себя поведу. Их аналитика дала сбой. Никакие методы ранее не возымели результата. Я все еще независим.

— Как я понимаю, имею сомнительную честь говорить лично с генералом ордена иезуитов в Речи Посполитой? — сухо поинтересовался я, останавливаясь в двух шагах от него. — Вы хотели убить меня. Вы... Впрочем, зачем сотрясать воздух. Говорите!

— Кто вы такой, пан Стрельчин? — проигнорировав мой вопрос, ровным, лишенным эмоций голосом спросил он.

— Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо, — с усмешкой парировал я.

Слова вылетели раньше, чем я успел прикусить язык. Это был какой-то дурной, адреналиновый кураж. Я тут же мысленно чертыхнулся, начав лихорадочно соображать: а где еще, кроме как в «Мастере и Маргарите» Булгакова или в «Фаусте» Гёте из уст Мефистофеля, дьявола, могла прозвучать эта знаменитая фраза? В моем времени это классика, а здесь? Если эти фанатики-инквизиторы воспримут мои слова буквально и начнут ассоциировать меня с дьяволом, то на меня откроется совершенно иная охота. Священная. От которой я, при всем своем арсенале и людях, могу и не отбиться.

— Весьма странно вы представляетесь, пан Стрельчин, — ни один мускул не дрогнул на лице иезуита. — Но могу признаться, что просчитать вас мне так и не удалось. Как и ваше влияние на русского царя, на всю Московию.

— Моя страна называется Россия! Имейте такт и разум, если хотите продолжать разговор, именно так именовать великую державу русскую! — сказал я.

Мы говорили на безупречном немецком. И этот, казалось бы, незначительный факт лишней раз доказывал: этот невзрачный человек знает обо мне куда больше, чем, к моему огромному сожалению, я о нем. Действительно, из всех европейских языков, подвластных мне в этом времени (естественно, после родного русского), немецкий для меня был наиболее предпочтителен. И Нарушевич это прекрасно знал.

— А может, мы всё-таки отбросим лишние темы и перейдем ближе к делу? — я решил жестко сломать их любимый формат бесед. — Я прекрасно знаю, что вы, иезуиты, склонны к витиеватости. Любите недоговаривать, плести словесные кружева, общаться намеками и напускать вокруг себя дешевый ореол таинственности. Но, если позволите, я чертовски спешу. Знаете ли, Россия нынче в состоянии тяжелой войны со Швецией. И я хотел бы поскорее вер-

нуться, чтобы помочь своему Отечеству и своему государю, а не морозить ноги в польских снегах.

— Хорошо. Как изволите, — иезуит слегка склонил голову, принимая правила игры. — Первое. Вы немедленно объявляете, что прекращаете охоту на братьев нашего ордена. Если хотите потешить свою гордыню, то знайте: лично я пережил уже два покушения. И оба случились буквально за последние полгода. А некоторые наши священники, даже не будучи членами ордена иезуитов, подобных покушений не пережили. И, судя по всему, именно вы продолжаете щедро оплачивать эту кровь.

— Переходите ко второму требованию, Нарушевич. Не теряйте время на словоблудие и проповеди, — холодно оборвал я его, видя, что старик уже набрал в грудь воздуха для долгой обличительной речи.

Я глянул в сторону, где, зябко кутаясь в меха, топталась пришедшая в себя королева. Она тоже ждала своей очереди снова поговорить со мной. Не наговорила... Или приняла решение?

Странно всё это. Пригнать сюда целый регулярный полк с кавалерией ради одной беседы... Хотя, если подумать, Нарушевич прав: я бы ни за что не остановил свой конвой, узнав, что впереди маячит жалкая полусотня или сотня перехватчиков. Мы бы просто смяли их и пошли дальше. Значит, для своих умных врагов — таких, как этот стоящий передо мной интриган — я постепенно становлюсь пугающе предсказуемым в своей тактике. И с этим нужно что-то делать.

— Как будет угодно. Второе, — глаза генерала сузились. — Вы не будете чинить препятствий тому, чтобы наш Орден занялся делом образования и просвещения в России.

— Зачем вам это? — я искренне рассмеялся, выдыхая пар в морозный воздух. — Вам же никто и никогда не позволит преподавать в России католицизм. Вас на вилы поднимут быстрее, чем вы успеете перекреститься.

— Но мы действительно лишь сеем разумное, доброе и просвещенное, — Нарушевич даже глаза к пасмурному небу закатил, изображая оскорбленную добродетель и высшую степень пафоса.

— Если вы продолжите держать меня за идиота и разговаривать со мной в подобном тоне, я считаю нашу беседу оконченной, — мой голос наполнился металлом, и улыбка мгновенно исчезла с лица. — Я прекрасно понимаю вашу стратегию, Нарушевич. Я знаю, что не только через прямую религию можно ломать государства и влиять на подрастающее поколение.

Я сделал шаг вперед, нависая над генералом.

— Вам и не нужно сразу обращать их в католичество. Достаточно просто изящно вложить в неокрепшие умы юной русской элиты сладкое свободолюбие, ядовитое вольнодумство и парочку ошибочных, разрушительных идеалов. И тогда в скором времени вы получите Россию, которая если и не вспыхнет бунтом сразу, то начнет гнить изнутри. Вы играете вдолгую. И, если не в этом поколении вы заберете Россию, так в следующем. Или через одно. Если вы даже сейчас будете вести себя тише воды и ниже травы, вы воспитаете тех людей, которые в будущем позволят вам воспитывать уже их детей — но с куда большей симпатией к Папе Римскому и всему, что связано с западным влиянием. Ваше оружие — не крест. Ваше оружие — отравленные знания.

Я сделал паузу, с мрачным удовлетворением глядя на явно опешившего, внезапно побледневшего Нарушевича. Мой удар попал точно в цель. Неужели эти рясоносные кукловоды всерьез верили, что их якобы благие намерения останутся для всех неразгаданной тайной за семью печатями?

Нет. Мне, человеку из будущего, эта схема была очевидна. Особенно ясно эта угроза проступала из тех моих прошлых знаний истории, которые я прекрасно помнил.

Взять, к примеру, тот самый элитный иезуитский пансион, который распахнет свои двери в Санкт-Петербурге в начале девятнадцатого века. Кого он в итоге вырастит? Он воспитает целую плеяду будущих декабристов. Выкормит тех самых вольнодумцев, которые, по сути, станут одним из главных кирпичиков при строительстве русского революционного движения, едва не опрокинувшего империю в кровь на Сенатской площади.

Допустить эту бомбу замедленного действия в свою страну я не мог. И не собирался. Но... я не настолько труслив... я вообще не труслив, чтобы не начать игру с иезуитами. Россия не потянет должный даже для нынешних времен уровень образования. Не в деньгах дело. Нет учителей. У иезуитов они есть. Вот... пусть учат. Но мы перевоспитаем уже грамотных, я это сделаю и не поскуплюсь, расплескивая свои силы и время.

— Наверное, вы сейчас сильно удивитесь, пан Нарушевич, — усмехнувшись после намеренно затянутой, звенящей от напряжения паузы, наконец заговорил я. — Но прямо сейчас я готов способствовать вашему ордену. Более того, я лично пролоббирую вопрос, чтобы вы смогли открыть в России сразу три иезуитских коллегиума. А вдобавок, чтобы ваш орден всемерно поспособствовал созданию в нашей стране полноценного университета, правда, называться он будет Академией. И я назову тех ученых, которых хотел бы видеть в России. Цена не важна. Важны люди.

Судя по лицу Нарушевича, такого крутого поворота в нашем разговоре он явно не ожидал. Его непроницаемая маска на секунду треснула: серые глаза изумленно расширились, а рука, сжимавшая край плаща, дрогнула.

— Взамен я отменяю охоту за всеми членами Общества Иисуса на территории России и Европы, — жестко, чеканя условия, продолжил я. — Думаю, если ваш достопочтенный орден выплатит мне лично солидную компенсацию за все организованные покушения и, главное, за подлую кражу моего ребенка... скажем, в сто тысяч талеров серебром... Думаю, после этого инцидент будет исчерпан, и мы сможем начать конструктивно общаться, действуя во благо России. Ну и, так и быть, немного во благо вашего ордена.

Генерал молчал, лихорадочно переваривая услышанное. А я стоял и внутренне ухмылялся. Деньги... я смогу открыть еще три завода на Урале, или профинансировать на лет пять и больше американские экспедиции. Деньги нужны. Очень нужны. И у меня их много, но катастрофически не хватает.

В целом, в данный исторический момент я действительно был не против пустить иезуитов на свою территорию. Но только потому, что их руками, их деньгами и их колоссальным опытом можно было в кратчайшие сроки выстроить по всей стране готовую сеть первоклассных учебных заведений.

Учитывая, какое огромное количество иностранных специалистов сейчас хлынуло в Россию по моему призыву, только из их детей уже можно было легко набрать слушателей не на три, а на все четыре коллегиума. Нам катастрофически не хватало школ, преподавателей, учебников и методик. А у иезуитов всё это было отточено до совершенства.

Мой план был прост, циничен и гениален. Как говорили в лихие девяностые годы моего родного двадцатого века: я собирался иезуитов банально «кинуть».

Пусть приходят. Пусть вкладывают свое золото, везут лучшие книги из Европы. Пусть строят с нуля великолепные каменные школы во всех крупных городах России, налаживают учебный процесс, обучают наших светских учителей. А потом, лет через десять-пятнадцать, когда система заработает как часы, мы разом всё это богатство национализируем. Подчистую. Выгоним святых отцов взащей за пределы империи.

Повод к этому обязательно найдется — с их-то страстью к политическим интригам. Причем, я был уверен, найдется не только формальный повод, но и железобетонная, документально подтвержденная причина для обвинения в шпионаже или подрывной деятельности.

Иезуиты просто не смогут удержаться от соблазна сунуть нос в государственные дела. И тогда мы захлопнем мышеловку.

Нарушевич, судя по тому, как он медленно кивнул, соглашаясь обдумать мое неслыханное предложение, подвоха пока не чуял. Жадность и желание проникнуть в Россию перевесили осторожность.

Мы ударили по рукам. Генерал пообещал немедленно выделить мне усиленное, элитное сопровождение, чтобы мы без каких-либо проволочек, задержек и таможенных придировок внутри Речи Посполитой могли быстро двигаться домой, к курляндским границам.

Когда иезуит, отвесив сухой поклон, растворился среди своих солдат, я снова посмотрел в сторону Марии-Казимиры.

Королева будет думать. Но я почему-то был абсолютно убежден, что она приедет в Россию. Вот только соберет информацию через своих шпионов: узнает, как тут у нас обстоят дела при дворе, не дикари ли мы, и, главное, не запрут ли ее по древней русской традиции в душную, золотую клетку, называемую «терем». И как только поймет, что при мне она будет в безопасности и комфорте, обязательно приедет.

В той, иной исторической реальности, которую я изучал в прошлой жизни, Марысенка точно так же металась после смерти мужа, внезапно оказавшись никому не нужной ни в Польше, ни в Риме, ни во Франции. И ведь тогда ее супруг, Ян Собеский, был куда более масштабной исторической фигурой! Он был Спасителем Европы, абсолютным символом великой победы над турками под Веной. Он был самым могущественным из правителей Речи Посполитой за последние полвека.

А в этой реальности? В этой реальности он — лишь сломленный старик, бездарно проигравший генеральное сражение под той же самой Веной и погубивший цвет польской нации. Бездарно погибший, ушедший на войну с максимальным пафосом. Оттого поражение еще более чувствительно.

Как это часто бывает в жестоком мире политики, женам приходится оставаться в тени своих великих или падших мужей. То, как мужья ведут себя на мировой арене, и то, как они заканчивают свой путь — такое отношение общества потом неизбежно распространяется и на их вдов. Марии-Казимире здесь больше ничего не светило, кроме нищеты, забвения и унижений со стороны вчерашних подхалимов.

Ее единственный реальный шанс на достойную старость сейчас стоял перед ней в заснеженном лесу на границе, опираясь на эфес сабли и готовясь отдать приказ к отправлению.

И она это знала. И я уже понимал, что жена последнего польского короля переедет в Россию.

Нас пропустили. Правда двинуться в путь пришлось только на следующий день. И по моим подсчетам оставалось не менее семи дней, чтобы добраться до Опочки, или где-то рядом со Псковом, чтобы там разъединиться. Мастеровые отправились бы в Москву. Ну а я собирался воевать.

Москва

29 декабря 1684 года

— Кто тебя надоумил?

Высокий, крепкий от каждодневных тренировок, парень, по годам всё ещё подросток с до конца не окрепшим разумом, стоял со скрещенными на груди руками и немигающим взглядом смотрел, как раскаленное докрасна железо заставляет кожу пытаемого человека мгновенно вздуться пузырями. В нос ударил тошнотворный, сладковатый запах паленого мяса, когда плоть под клеймом побелела и начала обугливаться.

Петр Алексеевич смотрел на это без содрогания. Или даже немного с интересом. Затем он медленно перевел тяжелый взгляд в глаза висящему на дыбе человеку — своему собственному наставнику.

Если бы не весь этот хтонический ужас сырого застенка, не вывернутые суставы и не крики, которые сейчас исторгал из себя Алоиз Базылевич, ситуацию можно было бы попытаться свести к злой шутке. В конце концов, какой нерадивый ученик в своих тайных фантазиях не мечтает поменяться ролями с учителем? Взять в руки розги и наказать строгого наставника за придирки, за скучные уроки, да хоть бы и просто так, из вредности.

Но вот только если этот «ученик» является одновременно еще и помазанником Божьим, царем, самодержавным правителем огромнейшей, неповоротливой империи — тут становится не до шуток. Игры кончились.

— Ваше Величество... государь... но меня самого убедили... в правильности такого поступка... — хриплым, срывающимся, чуть ли не умирающим голосом выдал из себя Базылевич. Его тело конвульсивно дернулось на натянутых веревках.

Петр брезгливо скривился, словно откусил лимон, и отвернулся от дыбы. Он не хотел принимать то, что сам же и решил назначить де Круа командующим. Что уже пора бы за свои действия отвечать самостоятельно, а не искать виновных. Нет, на это царя пока не хватало.

Он подвергся влиянию Базылевича, так как начинал доверять ему, словно бы Алоиз стал Стрельчиным. И вот... Ошибка.

— Что скажешь, Федор Юрьевич? — обратился юный царь к стоящему неподалеку главе Тайного приказа, еще не ставшему князем-кесарем Ромодановскому.

Но, судя по всему, Федор Юрьевич был на пути того, чтобы скоро считаться вторым человеком после государя. Петр уже выделял его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.